

УДК 339

АМЕРИКАНО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1920-е ГОДЫ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К КОНФЛИКТУ

© 2013 г. **М.Г. Носов***
Институт Европы РАН, Москва

Отношения между США и Японией в 1920-е годы характеризовало стремление обеих сторон использовать результаты Первой мировой войны для укрепления сотрудничества. Диктовалось это тем, что доллар стал ведущей мировой валютой, а США и Япония упрочили свои позиции в клубе Великих держав. В то же время нарастание в Японии национализма и радикализма вследствие экономического и социального кризиса подготовило охлаждение в двусторонних отношениях из-за захватнической политики Токио в Китае. Третья декада XX века началась Конференцией по ограничению морских вооружений в Вашингтоне, где были приняты важные решения. Закончилось потепление американо-японских отношений провокацией в Мукдене, ставшей началом долгой и кровавой войны между Японией и Китаем.

Ключевые слова: США, Япония, Китай, Лондонская конференция по морским вооружениям, Маньчжурия

В рассматриваемый период отношения между США и Японией на первый взгляд развивались вполне благополучно. Под давлением Вашингтона японские войска были выведены с российского Дальнего Востока и единственной причиной, серьёзно осложнявшей отношения обеих стран, оставалась застарелая проблема японских иммигрантов на территории США [5]. В эти годы партнёрство США и Японии определялось тремя факторами. Во-первых, Япония не только вместе с США вошла в клуб Великих держав, но и, с точки зрения Вашингтона, вступила на путь демократического развития, шаг за шагом приближаясь к стандартам западной модели государственной системы.

Во-вторых, японцы (хотя и не всегда охотно) принимали американские концепции устройства мира, включая версальские договорённости, вильсоновские идеи всеобщего мира и пакт Келлога – Бриана 1928 г. об отказе от войны как инструмента национальной политики. Япония разделяла американскую концепцию регулирования морских вооружений, принимая участие в инициати-

* НОСОВ Михаил Григорьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕРАН. E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Продолжаем цикл статей об истории развития отношений США и Японии. См.: «США ❖ Канада». 2011: № 1, 2, 7, 11; 2012: № 4 и 11.

рованных США Вашингтонской (1921–1922) и Лондонской (1930) конференциях по ограничению морских вооружений.

В-третьих, всё это десятилетие США в своих экономических отношениях с Китаем не ощущали противодействия Японии, характерного для прошлых лет. Объём американской торговли с Китаем быстро рос и с 1913 по 1928 г. увеличился в 6,5 раза. За это же время в 3 раза выросли и американские инвестиции в Китае [9, р. 147].

США были настолько уверены в стабильных отношениях с Японией, что позволили себе с декабря 1925 г. по 1929 г. не направлять своего посла в Токио, поскольку, по мнению Госдепартамента, его содержание обходилось слишком дорого для американских налогоплательщиков.

И всё же оценка американцами отношений с Японией далеко не полностью отражала реальную ситуацию в этой стране и эволюцию её политики. Десятилетие, начавшееся с договорённостей по контролю над морскими вооружениями на Тихом океане на Вашингтонской конференции, ставшей продолжением Версальских соглашений, закончилось Лондонской конференцией, которая пыталась продлить эти соглашения до 1936 г. Однако спустя ровно год после ратификации Лондонского договора, 18 октября 1931 г., Япония начала захват Маньчжурии и всё, что было проделано в 1920-е годы, оказалось перечёркнутым.

Первая мировая война для США и Японии закончилась относительно благополучно. Обе страны приняли участие в ней на стороне Антанты, но военные действия на их территориях не велись, а людские жертвы были ограничены гибелью 117 тыс. американцев и 415 японцев*. Выгоды от войны для обеих стран были значительно важнее их людских потерь. Получив огромные прибыли за счёт военных поставок во время войны, и США, и Япония смогли укрепить свои позиции на мировых рынках и создать мощный промышленный и финансовый потенциал. Плюс к этому Япония получила немецкие территории в Китае и принадлежавшие Германии острова в Тихом океане.

Финансируя войну в Европе, США превратились в мирового кредитора. Чистая прибыль американских монополий за 1914–1919 гг. составила 33,6 млрд. долл. [3, с. 9]. За годы войны союзники задолжали США огромную по тем временам сумму в 20 млрд. долл., что позволило американцам занять доминирующее положение на мировых финансовых рынках. Как писал в 1922 г. будущий президент США, а в то время министр торговли в администрации Уоррена Гардинга Герберт Гувер «Америка стала практически единственным источником международного капитала» [9, р. 101]. При этом сторонник свободного рынка, Гувер считал, что США должны минимизировать роль государства в экономике, включая участие администрации в международных торгово-экономических связях.

Вильсоновские идеи «справедливого мира» были сохранены администрацией Гардинга, но теперь они были основаны не на идеалистических моральных

* Для сравнения: Россия потеряла 2,8 млн. человек, Франция – 1,5 млн. Германия – 2,1 млн. [6].

сентенциях президента, а на конкретной силе доллара и «американском индивидуализме». Версальские договорённости, которые в силу участия в них США, Японии и Китая носили глобальный характер, определили американскую вовлечённость в мировую экономику. Соединённые Штаты начинали играть доминирующую роль в мировой экономике и политике. В декабре 1920 г, выступая на собрании Американской банковской ассоциации, Гувер говорил о том, что в условиях начавшейся экономической рецессии, американское благополучие «больше не отделено от благополучия мира» [9, р. 130]. Он призывал к расширению американских частных заграничных инвестиций, считая, что именно такая политика может стать основой американского процветания.

Именно в 1920-е годы в США были заложены основы функционирования современной глобальной финансовой системы. Банки финансировали все страны, которые нуждались в кредитах и были в состоянии выплачивать дивиденды. Импорт из таких стран был по ценам дешевле американских товаров, что вело к потере конкурентоспособности многих отраслей американской промышленности и стало одной из причин биржевого краха 1929 г. и «Великой депрессии».

Для Японии, кроме территориальных приобретений, выгоды от участия в войне состояли в использовании военных заказов для роста промышленности. За военные годы японская внешняя торговля выросла в 3,5 раза; объём промышленного производства – на 80%, а численность фабричных рабочих в 1,7 раза [4, с. 270]. С 1913 по 1924 г. японский импорт вырос с 361 млн. до 1,009 млрд. долл., а экспорт – с 315 млн. до 727 млн. долл., при этом в экспорте 1924 г. более половины приходилось на готовые товары. За этот же период экспорт США вырос с 2,5 до 4,6 млрд. долл., а импорт с 1,8 до 3,7 млрд. долл. В 1928 г. в японском экспорте 41,2% пришлось на США и 26% на Китай. В американском экспорте в том же году на Японию пришлось 5,6 %, на Китай – 2,8% [15].

Однако дальнейшее экономическое развитие США и Японии привело к возникновению экономического кризиса по обе стороны Тихого океана. В Соединённых Штатах прекращение военных контрактов и отмена законов военного времени, регулировавших уровень цен, вызвали рост инфляции и безработицы; после окончания войны число безработных выросло до 5 млн. человек [2, с. 368]. В Японии, где рост экономики в военные годы во многом финансировался за счёт иностранных кредитов, введение американцами в 1917 г. эмбарго на экспорт золота усложнило расчёты с кредиторами и привело к резкому росту инфляции. В результате индекс оптовых цен, по сравнению с 1913 г., в 1920 г. вырос более чем в 3 раза. Финансовая ситуация в Японии осложнялась огромными расходами на интервенцию в России, которая фактически продолжалась до октября 1922 г., и затратами на ликвидацию последствий землетрясения 1923 г. в районе Канто.

В Японии процесс промышленного роста, основанный на военных заказах, носил неравномерный и противоречивый характер. Городское население росло благодаря притоку крестьян в промышленность. С 1900 по 1925 г. население Японии выросло с 43,8 млн. до 60 млн. а число занятых в сельском хозяйстве

за тот же период сократилось с 17,3 млн. до 14,8 млн. человек [13, р. 245-246]. В городе появилась достаточно большая прослойка людей с высокими доходами, которые богатели за счёт обнищания деревни и тяжелого положения растущего рабочего класса. Социальное расслоение вело к острым социальным конфликтам: пиком стали «рисовые бунты» в 1918 г. Повышение цен на рис привело к стихийным выступлениям крестьян и городского пролетариата; число тех, кто протестовал, по оценкам, составило около 10 млн. человек. Правительство и армия жестоко подавили эти мятежи, отразившие нарастание классовых противоречий. Значительное влияние на рост протестного движения в стране оказала и революция в России, отголоски которой докатились и до японских островов.

Японская внешняя политика в 1920-е годы формировалась, прежде всего, с учётом потребностей экономики. В Токио хорошо понимали, что после Первой мировой войны Великобритания уступила глобальное финансовое лидерство Соединённым Штатам и именно они могут стать основным источником финансирования японской экономики, включая инвестиции в Китай, необходимые для деятельности японских компаний в Маньчжурии, которую Токио рассматривал как свою потенциальную колонию.

Определённую роль в экономическом подходе к дипломатии играло и то, что у руля японской внешней политики большую часть 1920-х годов стоял Си-

*Сидехара Кидзиро.
Журнал «Тайм», 12.10.1931*

дехара Кидзиро – его сотрудничество с США получило название «дипломатия Сидехары». Профессиональный дипломат и посол в США, он входил в состав японской делегации на Вашингтонской конференции, и был известен в Японии своей приверженностью к рациональной и во многом пацифистской внешней политике и прозападными симпатиями. Сидехара, также как и ставший премьер-министром в 1924 г. Като Такааки, был женат на одной из дочерей Ивасаки Ятаро, основателя крупнейшего в Японии финансово-промышленного концерна «Мицубиси», что во многом в этот период определяло политику экономического и политического сотрудничества между Токио и Вашингтоном. Сидехара выступал за лидирующую роль Японии в Азии в целом и в

Китае в частности, но считал, что делать это надо вместе с американцами и, прежде всего, экономическими средствами. Его политика отражала интересы крупных японских монополий. Во многом действия Сидехары совпадали с планами США на расширение торгово-экономических связей с Японией и Китаем – выразителем этого курса в США был Томас Ламонт, представлявший интересы крупнейшего мирового банка Моргана.

Банкир Томас Ламонт

позицию даже после того, как американцы пригрозили опубликовать секретные статьи «договора Лансинга – Исии», согласно которым Япония обязалась не требовать для себя привилегий в Китае за счёт интересов других держав. В итоге в мае 1920 г. состоялся обмен письмами между инициатором консорциума Томасом Ламонтом и президентом государственного Йокогамского банка внешней торговли Кадзиварой Накадзи, в которых говорилось лишь о том, что деятельность консорциума не будет распространяться на принадлежащие Японии железные дороги в Маньчжурии, что де-факто исключало эту часть Китая из возможных финансовых операций международного консорциума.

Несмотря на то, что ни желание американцев получить свободный доступ к инвестициям в Маньчжурии, ни стремление японцев добиться от Вашингтона признания их особых интересов в этом районе не реализовались, были установлены прямые связи и рабочие отношения между такими крупнейшими промышленно-финансовыми японскими концернами, как «Мицуи» и «Мицубиси», и консорциумом влиятельных американских банков во главе с банком Моргана.

На протяжении 1920-х годов американские банкиры не скупились на предоставление займов Японии, которые, прежде всего, шли на индустриализацию Маньчжурии. Они не хотели вкладывать деньги в рискованные проекты на территории сотрясаемого революцией Китая. При этом действия американских банков не слишком координировались с политикой администрации, поскольку и президент Гувер, и его госсекретарь Хьюз считали, что вмешательство в дела бизнеса может создать условия для тоталитаризма. В конечном счёте получилось так, что наиболее крупными клиентами банка Моргана стали Япония, Германия и Италия, где режимы имели мало общего с демократией.

Обе страны рассматривали Китай как огромный рынок и сферу приложения инвестиций. Стремясь получить более широкий доступ к китайскому рынку, США предложили создать на основе крупнейших американских банков финансовый консорциум с участием Японии, Великобритании и Франции. Однако японцы не слишком торопились принять американское предложение, обусловив своё участие в консорциуме исключением Маньчжурии и Внутренней Монголии из сферы деятельности создаваемой организации. В ходе переговоров предлагался компромисс – признание банкирами, но не государствами, входящими в консорциум, особых интересов Японии в Маньчжурии. Госдепартамент США категорически отказался принять такие условия соглашения. Японцы не изменили свою

Маньчжурия на карте Китая

В указанные годы на характер и состояние американо-японских отношений влияли, прежде всего, тенденции развития внутриполитической жизни в Японии и тесно связанная с ними японская политика в Китае. После смерти императора Муцухито в 1912 г. императорская власть переживала период резкого ослабления, поскольку новый император Тайсё не имел ни авторитета своего предшественника, ни способности управлять страной. К власти пришло новое поколение политиков не связанное с теми традиционалистскими установками, которые в период после реставрации Мэйдзи сдерживали процесс вестернизации страны.

С начала XX века в Японии значительно вырос уровень жизни. В среднем потребление таких основных продуктов питания, как рис, рыба, фрукты и сахар, выросло на десять процентов. Люди стали лучше одеваться, даже с учётом инфляции, доходы на душу населения за этот период увеличились почти на треть. Развитие торговли и транспорта вело к появлению всё большего количества западных товаров на японском рынке, что неизбежно закрепляло процесс вестернизации, при этом речь шла не только о распространении бытовых атрибутов западной жизни, но и о серьёзной демократизации политической жизни. В политику вовлекались всё более широкие слои городского населения, рос уровень образования, в 1925 г. был принят закон «О всеобщем избирательном праве», увеличивший число избирателей с 3,2 млн. до

12,5 млн. человек. 20 февраля 1928 г. в Японии состоялся последний довоенный эксперимент с демократией – были проведены первые всеобщие выборы по избирательному закону 1925 г., в которых число избирателей было увеличено почти на 10 млн. человек.

В то же время быстрый экономический рост Японии во время Первой мировой войны и демократические реформы сопровождались гиперинфляцией, съедавшей рост заработной платы и усиливавшей расслоение общества. В особенно тяжёлом положении оказались сельские жители, чьи доходы значительно отставали от городского уровня. Шёл быстрый процесс постепенного размывания традиционных ценностей, в то время как новые западные ценности воспринимались ещё поверхностно. Такая ситуация не могла не вести к кризису общества, терявшего жизненные ориентиры. Спад производства и банковский кризис 1927 г. вызвал сокращение рабочих мест и угрозу безработицы. Всё чаще обсуждался вопрос о необходимости поиска «жизненного пространства» и в этом смысле наиболее реальным объектом для экспансии рассматривался Китай. Одним из итогов послевоенного развития экономики стала, с одной стороны, популярность социалистических и марксистских идей в японском обществе, с другой – рост национализма и милитаризма, проявлением которого стал радикализм и правый экстремизм.

В 1920-е годы в Японии существовали три основных группы, позиционировавшие себя в качестве противников существующей политической системы. Левые, использовавшие в своей пропаганде растущее недовольство населения; националисты, считавшие, что вестернизация разрушает устои японского общества, и армия. Её позиция отражала как растущую агрессивность генералитета, так и социальное недовольство младшего и среднего офицерства, которое в армии, переставшей быть самурайской, рекрутировалось в основном из деревни и городских низов.

Марксисты, во многом вдохновленные успехом революции в России, критиковали экономическую политику правительства, продажность чиновников и рост богатства крупнейших монополий. После окончания войны социалисты начали активно устанавливать связи с рабочими организациями и профсоюзами, возникавшими в стране. В июле 1922 г., не без участия Москвы, была создана Коммунистическая партия Японии (КПЯ). Коммунисты провозгласили своими лозунгами разрушение феодальной системы и монархии, признание СССР и вывод японских войск из Китая, Кореи, Тайваня и с Сахалина. Подобного рода заявления в стране с всё ещё сохраняющимся культом императора фактически поставили партию вне закона, что юридически было осуществлено в 1923 г. Власти воспользовались беспорядками после землетрясения в сентябре 1923 г. и наложили запрет на деятельность компартии, а в марте 1924 г. она приняла решение о самоликвидации.

Большую популярность и поддержку в 1920-е годы стали набирать в Японии националистические идеи, основанные на сочетании критики буржуазии и вестернизации страны. Лозунгом правых стал призыв к «реставрации Сёва», по аналогии с призывами периода реставрации Мэйдзи, когда «хороший» император противопоставлялся «плохому» сёгуну. Теперь это было требование укрепления императорской власти, возвращения к исконным японским ценно-

стям, отказ от «декадентского» культурного влияния Запада и «прогнившей» партийной системы. За всем этим стояли социально-экономические и демографические изменения в стране.

Наиболее простым для широкого понимания выходом из социального кризиса, по мнению националистов, был возврат к таким домэйдзийским лозунгам, как изгнание иностранцев и возрождение власти императора. Идеи национал-популистов находили широкий отклик в армии, куда шли, прежде всего, юноши, стремящиеся уйти от деревенской бедности. Они были далеки от политики, с их точки зрения, ни одна партия не могла успешно справиться с экономическими и политическими проблемами страны, а вся деятельность партфункционеров сводилась к победе на очередных выборах. По сути, национализм и недовольство военных существовавшей системой управления стали основой для роста опиравшегося на армию экстремизма.

В сознании военных город, копировавший западные образцы в одежде и поведении, контрастировал с патриархальностью деревенской жизни. Всё это, вместе с ощущением политического давления Запада на уровне международных отношений, питало крайний национализм, часто граничивший с популистскими лозунгами национал-социализма*. Однако следует сразу оговориться, что в Японии в первой половине XX века не было ни реальной демократии, ни реального фашизма, хотя многие черты и того и другого парадоксально переплетались с феодальными принципами политических лидеров страны, родившихся в середине XIX века. Борьба армии против партийной политической системы привела к ситуации, когда именно военные стали играть доминирующую роль в японской политике. При этом если части, дислоцированные в собственно Японии, пока ещё находились под контролем государства, то японская Квантунская армия в Китае превратилась в самостоятельную политическую силу.

Смерть императора Тайсё в декабре 1926 г. покончила с теми демократическими тенденциями в японской политике, которые в истории получили название «демократия Тайсё». Сам император, в силу известных причин, к этой политике непосредственного отношения не имел, а с 1921 г. даже юридически не был властен; прерогативы власти были переданы его сыну Хирохито, который до смерти отца был регентом, а в 1926 г. стал императором.

17 апреля 1927 г. под давлением Тайного совета, выступавшего против умеренной китайской политики министра иностранных дел Сидехары, был распущен кабинет Вакацуки Рейдзиро. Через три дня был сформирован новый кабинет во главе с отставным генералом Танака Гиити, ратовавшим за расширение «жизненного пространства» Японии за счёт стран Азии, и прежде всего Китая. В тот же день Чан Кайши создал в Нанкине правительство Гоминдана и возобновил свой Северный поход с целью объединения Китая, что не слишком совпадало с намерением Японии укрепить свои позиции в Маньчжурии.

Как уже говорилось ранее, развитие американо-японских отношений в 1920-е годы было самым непосредственным образом связано с позицией обеих

* Интересно, что левый экстремизм часто сливался с правым радикализмом. Так, один из лидеров японского национализма Икки Кита, который был казнён за организацию попытки военного переворота, считал себя социал-революционером.

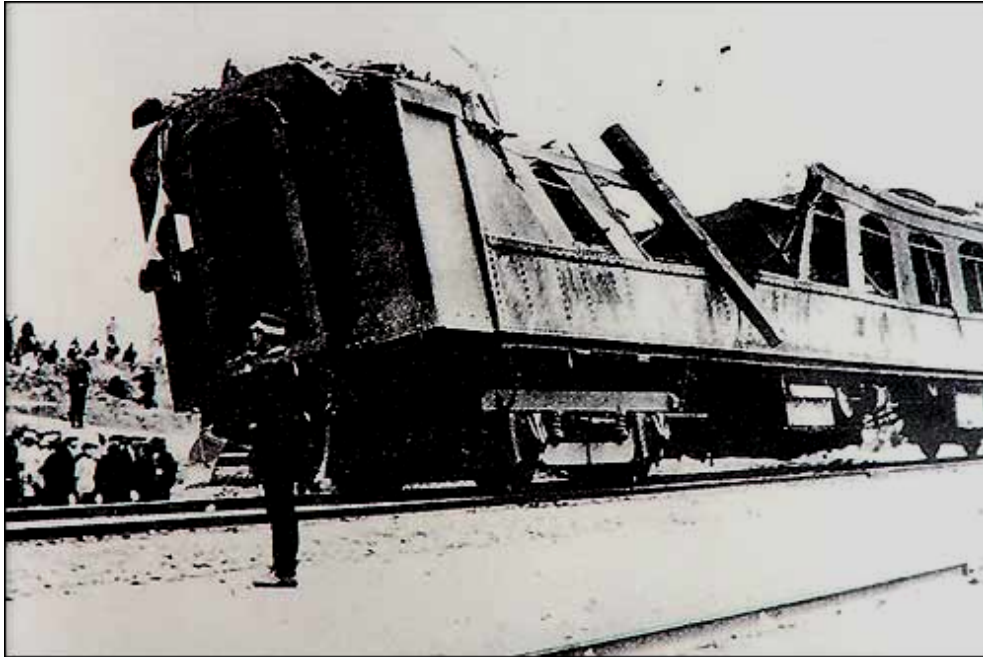
стран в отношении Китая. В октябре 1911 г. пала правящая страной с 1645 г. Циньская династия, и Китай стал республикой. Фактическая власть в стране перешла в руки провинциальных губернаторов и военных. С начала 1920-х годов в стране шла гражданская война, что ставило под угрозу её целостность.

После заключения Портсмутского мира с Россией в 1905 г. Япония получила право на аренду Ляодунского (Квантунского) полуострова с городами Дайрен и Порт-Артур и контроль над Южно-Маньчжурской железной дорогой от Чанчуня до Порт-Артура. В полосе отчуждения железной дороги шириной в 124 м. Япония получила право держать войска для охраны дороги, и в 1906 г. была создана армия, с 1919 г. называвшаяся Квантунской. Её численность первоначально не превышала 10 тыс. человек. Кроме этого японцы, по соглашению после подавления Боксёрского восстания в 1901 г., имели небольшой гарнизон в районе Пекина – Тяньзиня, а также отряд морской пехоты для охраны японского селтльмента в Шанхае. Япония широко пользовалась предоставленными ей экономическими привилегиями в соответствии с навязанным Китаю 21-м требованием, контролируя значительную часть его экономики. Её единственным противником в борьбе за экономическое доминирование в Китае оставались Соединённые Штаты, заинтересованные в расширении торговли, но в отличие от Японии и европейских стран никогда не стремившиеся к территориальному захвату китайской территории.

К концу 1920-х годов партия Гоминдан уже претендовала на контроль над всей территорией Китая, хотя на практике многие части страны не попадали под контроль центральной власти. Противниками централизации выступали не только правящие в провинциях милитаристы, но и Япония, стремившаяся сохранить свой контроль над северной частью страны – Маньчжурией.

Японское влияние в этом регионе распространялось с помощью компании ЮМЖД, в функцию которой входило не только эксплуатация железной дороги, но и экономическое развитие и проблемы территории с местным самоуправлением, прилегающей к железной дороге, где проживали как японские колонисты, так и местные жители. Японское население в Южной Маньчжурии увеличилось с 25 тыс. в 1907 г. до 220 тыс. в 1930 г., а доходы компании выросли с 2 млн. до 34 млн. иен.

В Китае росли антияпонские настроения, население бойкотировало японские товары, шли забастовки на японских предприятиях, часто перераставшие в прямые столкновения с японской полицией. Правительство Танака дважды в 1927 и в 1928 г. направляло в провинцию Шаньдун японские войска в ответ на антияпонские выступления. Токио потребовал от китайского правительства отказаться от суверенитета в отношении Маньчжурии и Монголии. Однако захватническая политика Японии вызвала ещё большее возмущение в Китае и бойкот японских товаров. Своё негативное отношение к японской политике высказали и США. Оба раза Япония была вынуждена выводить свои войска из Китая, что вызывало недовольство верхушки Квантунской армии и гражданской администрации ЮМЖД, считавших, что нерешительность правительства может привести к потере Маньчжурии. Уже в 1928 г. Квантунская армия начала политическую подготовку к созданию ав-

Взорванный вагон Чжан Цзолия

тономного маньчжуро-монгольского государства. В Дайрене была создана Маньчжурская лига молодежи под эгидой Всеманьчжурского съезда японцев, которая состояла из живущих в Маньчжурии японских чиновников и бизнесменов [8, 1927, vol. 2, p. 210-249].

Первой военной пробой сил Квантунской армии в осуществлении самостоятельной политики стало убийство военного диктатора Маньчжурии маршала Чжан Цзолия, который долгое время был союзником Японии в борьбе против гоминдановского правительства Чан Кайши. Решение об его устранении было принято двумя штабными офицерами Квантунской армии Итагаки Сейдзиро и Исихара Кендзи, поскольку появились достаточно обоснованные подозрения о союзе Чжан Цзолия с Чан Кайши, который пытался объединить Китай. Японцев, которые стремились отторгнуть Маньчжурию от Китая, это не устраивало, и 4 июня 1928 г. недалеко от Мукдена был взорван поезд, в котором погиб маршал. Убийство маршала, хотя и вызвало негативную реакцию в официальном Токио, однако было широко поддержано военными и националистами. Они считали, что Японии с её быстро растущим населением необходимо расширять жизненное пространство. Как писал Итагаки, «Маньчжурия, безусловно, важна с позиции японского капитализма. Если говорить о пролетариате, который требует равную долю национального богатства, то достичь благосостояния для всех в границах бедной природными ресурсами Японии просто невозможно» [15, p. 7].

Военное министерство весьма неуклюже пыталось переложить вину за убийство Чжан Цзолия на китайцев. Премьер-министр Танака дал императору обещание восстановить порядок и дисциплину в Квантунской армии. Однако император не принял оправданий премьера, и правительство 1 июля 1928 г.

ушло в отставку. Это был первый случай в новой истории Японии, когда император открыто вмешался в политику. Данный прецедент отражал как ожесточённую борьбу, которая шла внутри страны по вопросу о будущем японской внешней политики, всё ещё сохранявшей остатки «демократии Тайсё», так и стремление Токио наладить хорошие отношения с США.

Одним из последних проявлений вильсоновской «открытой» дипломатии и остатков либерализма японской внешней политики стало присоединение Токио к пакту Бриана – Келлога об «исключении войны в качестве орудия национальной политики». Пакт был инициативой госсекретаря США Фр. Келлога и содержал достаточно декларативное осуждение войны, однако не предусматривал никаких санкций против тех, кто решился на агрессию. Документ был подписан в августе 1928 г. в Париже 15 странами, включая Японию. Однако оговорки, которые сопровождали ратификацию пакта, свидетельствовали о росте национализма в стране и о дальнейшем отходе от «мягкой дипломатии» Сидехары.

Токио долго не ратифицировал пакт, поскольку Тайный совет Японии выступил против его ратификации, ссылаясь на то, что содержащаяся в его Первой статье фраза – «от имени своих народов» не соответствует положениям конституции и должна быть заменена в японском экземпляре на слова «от имени императора» [8, 1929, р. 327]. В итоге после долгой переписки между Госдепартаментом и посольством Японии в Вашингтоне пакт был подписан императором. Дискуссия отражала начало скандального спора между теми в Японии, кто считал, что суверенитет принадлежит государству, а император является «высшим органом власти» и теми, кто придерживался теории о божественном происхождении императора, который по своему положению не может быть «высшим органом». Как известно, победили сторонники второй точки зрения, что отражало рост национализма в стране. Пакт об отказе от войны в качестве орудия национальной политики вступил в силу в июле 1929 года.

США тоже приняли пакт Бриана – Келлога с известными оговорками. Сенат США ратифицировал документ с условием, что он «не лишает США права на самооборону» и «не обязывает США предпринимать действия против тех, кто нарушает его договорённости» [2, с. 210].

Высшей точкой сотрудничества между Вашингтоном и Токио в 1920-е годы явилась Лондонская конференция по морским вооружениям, состоявшаяся с января по апрель 1930 г. в соответствии с решениями, принятыми ещё на Вашингтонской конференции. В её работе приняли участие те же пять стран, которые участвовали в предыдущей встрече – Великобритания, США, Япония, Франция и Италия. Целью конференции было дополнение решений Вашингтонской конференции, которая не установила ограничений на крейсера и вспомогательные суда. США, планировавшие в конце 1920-х развернуть широкую программу военно-морского строительства, и Великобритания в 1927 г. встретились в Женеве, но не смогли достичь соглашения о возможных ограничениях. Это вызвало волну протестов со стороны американского Конгресса, который внес в Палату представителей законопроект о строительстве ещё

15 тяжёлых крейсеров. Однако «Великая депрессия» жёстко скорректировала эти планы, и было принято решение провести новый этап конференции по ограничению морских вооружений.

По результатам конференции соотношение крейсеров между США, Великобританией и Японией с 5:5:3 было изменено на 10:10:6, хотя японцы настаивали на соотношении 10:10:7. В конечном счёте Япония заручилась разрешением вернуться к исходному требованию в 1935 г. Кроме того ей разрешили достроить уже заложенный крейсер. По итогам встречи США должны были уничтожить три крейсера, Япония один, а Великобритания пять. В качестве уступки японцам США обещали пересмотреть закон «Об иммиграции» 1924 года.

Страны-участницы согласились с пятилетним мораторием на строительство крупнотоннажных кораблей и подтвердили согласие на принятый в ходе Вашингтонской конференции пункт о контроле над строительством подводного флота и авианосцев. США, Японии и Великобритании было разрешено иметь равное количество подводных лодок, но их тоннаж был ограничен 52,7 тыс. т; Франция и Италия отказались подписать документ о пропорциях тоннажа крупных судов, поскольку не смогли договориться между собой о соотношении флотов.

Японский военно-морской истеблишмент резко выступил против принятых в Лондоне решений. В начале 1930 г. разразился скандал в штабе ВМФ – многие высшие офицеры подали в отставку в знак протеста в связи с подписанием Лондонского морского соглашения, а те, кто поддерживал договор, тоже были вынуждены покинуть свои посты, под давлением остающихся в штабе противников договора. Несогласные с Лондонским договором подвергли резкой критике и двор, и самого императора, поддержавших принятые в Лондоне решения. Правые считали, что Япония вновь попала в зависимость от США и Англии, и только уничтожение системы морских ограничений позволит Японии начать территориальную экспансию в Азии. За продолжение диалога с Западом выступили японские либералы. Журналист и политик Исибаси Тандзан, ставший после окончания Второй мировой войны премьер-министром Японии, считал, что Япония «не должна превращать соседей во врагов за счёт грубого использования силы, так как это потенциальные покупатели» [12, с. 155]. Активными сторонниками достигнутых в Лондоне договорённостей выступили и министр иностранных дел Сидехара, и премьер-министр Хамагути Осати.

27 октября 1930 г. премьер-министр принял участие в радиомосте, посвящённом итогам Лондонской конференции, вместе с президентом США Гербертом Гувером и премьер-министром Великобритании Рамсеем МакДональдом. Хамагути сказал, что эти государственные деятели «открыли новую главу в истории человеческой цивилизации» [6, р. 441]. В ноябре того же года заместитель госсекретаря США Уильям Касл встретился с послом Японии в Вашингтоне Дебути Кацудзи, который заверил Касла, что лондонский договор счастливо решил все вопросы, связанные с морскими вооружениями, и ника-

Покушение на премьер-министра Хамагути

кие проблемы относительно Китая более не стоят перед обоими правительствами и отношение Японии к Китаю практически идентично позиции Соединённых Штатов. Остаётся лишь проблема иммиграции. По словам Касла, посол проявил понимание того, что Госдепартамент не может внести вопрос об отмене закона 1924 г. в Конгресс, но ожидает, что этот вопрос будет обсуждён в надлежащее время [8, 1930, vol. III, p. 316]. Че-

рез месяц Касл на собственные деньги отправился в качестве специального посла в Токио, чтобы участвовать в торжествах по случаю подписания договора, а Конгресс США отказался пересматривать иммиграционный акт.

14 ноября 1930 г. премьер-министр Хамагути был тяжело ранен на Токийском вокзале за свою роль в принятии Японией условий Лондонского договора. Лондонская конференция по морским вооружениям явилась пиком борьбы в Японии между либералами – сторонниками сотрудничества с Западом и националистически настроенными военными. Итоги конференции стали последним успехом тех, кто выступал за развитие внешней торговли и связей с США, считая, что торговля выгодней внешней экспансии. Как позже докладывал из Токио американский посол Джозеф Грю, «в 1930 г. гражданские и либеральные элементы в японском правительстве находились в своём зените, но после этого они практически исчезли. Если бы в то время существовало такое влияние военных, как сегодня, Лондонский договор был бы, без сомнений, отвергнут» [8, *Naval Construction Program*, 1933, p. 381].

Разрыв между тем, что происходило в Токио и событиями в Маньчжурии всё более сокращался. В столице всё ещё сохранялись остатки либеральных прозападных веяний, тогда как в Китае Квантунская армия всё больше становилась самостоятельной политической силой, выступая за использование военных мер для отторжения Маньчжурии. Американский консул в Мукдене Джон Винсент писал: «Есть серьёзные основания считать, что внутренняя политика Японии намного больше ответственна за те опасные перипетии китайско-японских отношений, чем всё, что смогли или не смогли бы сделать китайцы. С моей точки зрения, отношения между японской армией и японским МИДом (представляющим гражданскую группу в правительстве) сегодня столь же напряжены как отношения между Китаем и Японией. И военные столь же заинтересованы в провале переговоров, сколь МИД заинтересован в их успехе» [11, p. 9].

1920-е годы были периодом вестернизации и внедрения «демократии Тайсё» в политическую жизнь Японии, «ревушими двадцатыми» для Америки,

десятилетием «сухого закона», роста преступности, расцвета джаза и надвигающейся катастрофы для обеих стран. По обе стороны океана интеллектуалы ощущали разлитую в воздухе тревогу и ощущение будущей войны. Как писал в своём эссе «Эхо века джаза» бытописатель эпохи двадцатых и жертва их шумной экстравагантности, Скотт Фитцджеральд, «к 1927 г. чувство страха стало повсеместным, напоминая о себе чем-то похожим на едва ощутимое покалывание в ногах, повторяющееся с периодичностью кроссвордов в газете» [7]. 1927 год стал роковым и для выдающегося японского писателя XX века Акутагавы Рюноске. Он добровольно ушел из жизни в июле того года, а в своих предсмертных «Записках, предназначенных старому другу» писал об охватившем его чувстве «смутной тревоги о будущем». Американо-японские отношения быстро вступали в период турбулентности и конфликтов 1930-х годов, предвещающих катастрофу Второй мировой войны.

Список литературы

1. *Иванян Э.А.* История США. М.: Дрофа, 2004. 572 с.
2. История США. Хрестоматия / Составитель Э. Иванян. М.: Дрофа, 2005. 399 с.
3. История США, 1918–1945. Том 3. М.: Наука, 1985. 671 с.
4. История Японии, 1868–1998. М.: ИВ РАН. Том 2.
5. *Носов М.* Американо-японские отношения после Первой мировой войны: трудности разрешения противоречий // США ♦ Канада. 2012. № 11. С. 33–48.
6. *Iryie Akira.* Japan's Policies toward the United States // Japan's Foreign Policy, 1868–1941. A Research Guide / James Morley (ed.). New York: Columbia University Press, 1974. 618 p.
7. *Fitzgerald Scott F.* Echo of the Jazz Age (www.online-literature.com/fitzgerald)
8. Foreign Relations of the United States (FRUS)
9. *LaFeber Walter.* The Clash. US-Japanese Relations throughout History. New York, London: W.W. Norton & Co., 1977. 508 p.
10. Behind the Throne / Ed. by T. McCormick, W. LaFebr. Madison (WI): University of Wisconsin Press, 1993. 288 p.
11. *Morton William F.* Tanaka Giichi and Japan's China Policy. New York: St. Martin's Press. 1980. 329 p.
12. *Nolte Sharon.* Liberalism in Modern Japan. Ishibashi Tanzan and His Teachers, 1905–1960. Berkeley (CA): University of California Press, 1987. P. 155.
13. *Ohkawa Kazushi.* The Growth Rate of the Japanese Economy since 1878. Tokyo: Kinokuniya Bookstore Co., LTD, 1957. 250 p.
14. *Simkin John.* First World War Encyclopedia. [Kindle Edition], 1983. 625 p.
15. *Toland John.* The Rising Sun. New York: The Modern Library, 2003. 954 p.
16. UN Statistics (comtrade.un.org).